

Лев Гумилев. Струна истории

Заметка подготовлена Андреем Макаренко

Лев Гумилев принадлежал к редкой в современной науке категории подлинных энциклопедистов. Масштаб его знаний и мыслей не вмещался в узкие рамки советской истории. Он работал на грани нескольких наук – истории, философии, географии, этнографии, психологии – и обладал необычайной интуицией и способностью к интеграции наук. Это позволило ученому создать оригинальную пассионарную теорию этногенеза, актуальность которой год от года возрастает. При этом Гумилев не был кабинетным ученым, – он был великолепным лектором. Владея широким спектром нюансов русского языка и прекрасным знанием человеческой природы, он мог не только научно, но кратко, понятно и ярко изложить свою теорию для представителей любого социального слоя и возраста. Его научные лекции и семинары были общедоступны, чрезвычайно популярны в 1980-е годы и проходили всегда при переполненных залах.

Лев Гумилев. Струна истории – М.: Айрис-пресс, 2013. – 608 с.

Купить книгу в [Ozon](#) или [Лабиринте](#)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КУРС ЭТНОЛОГИИ¹

Свойства этноса

Человечество делится на сообщества, которые мы называем попросту — народами, по-научному — нациями, по совершенно научному — этносами. Причем, когда мы сталкиваемся с этой проблемой, то кажется, что никакой загадки нет, все очень просто: ну, есть немцы и есть французы, есть англичане и есть итальянцы. Какая разница между ними? Ну, какая-то есть. Какая? Вопрос этот оказался не простой.

Мне все время говорят, что никакой разницы нет — что в паспорте написано, то и хорошо. Так в паспорте можно написать все, что угодно. Вот, скажем, любой из вас может записаться в паспорте малайцем, а родной язык — русский — зачем его учить? Там действительно какие-то странные слова! Но от этого-то он малайцем не станет. Следовательно, этот момент — административно-социальный и экономико-социальный — вряд ли может ответить на вопрос что такое этнос?

Хорошо, есть еще одно определение — лингвистико-социальное. Все люди говорят на каких-то языках, и поэтому, сказал мне лично член-корреспондент Фрейман Александр Арнольдович: «Французы — это те, кто говорит по-французски», и так далее.

«Прекрасно, — опять спросил я его, — а вот моя собственная родная мама до шести лет говорила по-французски, по-русски научилась потом говорить, когда уже в школу пошла и стала играть с

¹ Был прочитан Л. Н. Гумилевым в 1-м семестре 1977/78 года для студентов Географического факультета ЛГУ.

девочками на царскосельских улицах. Правда, она стала после этого русским поэтом, но не французским. Так что — она француженка была до шести лет?»

Это высмеяно было уже полтораста лет тому назад знаменитым кавалерийским гусарским генералом Денисом Давыдовым, который в рапорте на имя Александра I написал: «Прошу Ваше императорское Величество за перечисленные здесь подвиги произвести меня в немцы». Дело в том, что при Александре немцы действительно захватили все самые лучшие должности и, чтобы сделать карьеру, надо было иметь или хорошие связи, или вообще быть немцем. Но Самодержец Всероссийский, который мог дать дворянство и отнять его, разжаловать в солдаты или произвести в генералы, дать звание купца 1-й гильдии или «произвести» в ссыльные крестьяне куда-нибудь на Колыму — мог сделать все, что угодно в социальном плане, но изменить то, что Денис Давыдов был русским, и перевести его в немцы — было выше его сил.

Так же существующее мнение, что этносы связаны с теми или иными социальными явлениями, которое мы пока, временно, считаем гипотезой недоказанной. И будем к этому возвращаться по ходу дела неоднократно и разнообразно. Этнос система не биологическая, так же, как и не социальная. Это система маргинальная, от латинского слова «margo» — граница. Это явление, которое связывает социальную форму движения материи со всеми природными формами. Это как раз тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, и тот механизм, при помощи которого человек воспринимает дары природы и кристаллизует их в свою культуру.

Поставим мысленный эксперимент. Представим, что в трамвай, не очень переполненный, входят четверо мужчин в одинаковых костюмах или пальто, с одинаковыми портфелями, пообедавших в одной и той же столовой, едущих в один тот же институт на свою работу. Но один из них русский, другой — немец, третий — какой-нибудь кавказец, четвертый, скажем, татарин.

Конечно, когда они стоят и молчат, никакой разницы между ними нет. Но также мы не можем сказать, есть разница между кислотой и щелочью, если мы насыплем здесь соду, а здесь — лимонную кислоту, — они между собой не соединяются. И поэтому мы не можем сказать, что есть что. Но стоит их только сблизить и полить на них водой, то сразу они зашипят. Представим себе, что в тот же трамвай вошел пьяный и начал хулиганить. Кто как прореагирует?

Русский ему скажет: «Кирюха! Ты лучше уйди, ведь тебя забарабают!» — и посочувствует ему. Немец немедленно вызовет мильтона и постарается, чтобы его отправили в вытрезвитель. Кавказец не удержится и сразу в зубы ему даст. А какой-нибудь татарин отойдет в сторону и не станет связываться.

Это то, что мы можем назвать общим словом — стереотип поведения, поведенческий момент. Вот по характеру его поведения мы и узнаем, к какому этносу он относится. Он ведет себя совершенно по-разному, в зависимости от того, кто он — индеец, папуас, англичанин или украинец. Он совершенно по-разному будет себя вести в критический момент, и чем критичнее ситуация, тем это отчетливее и определеннее видно. Значит, это реальный критерий для определения.

Для практического использования примем, что *этнос — это система людей, объединенных общим стереотипом поведения, общим временем возникновения и общим принципом отношения человека к ландшафту*.

Ландшафт играет и еще одну важную роль в жизни этноса. Жизнь этноса неотделима от вмещающего его ландшафта. При изменении ландшафта меняется и этнос. Этнос — это форма общежития, в котором живет вид *Homo sapiens* и который отличается и от социальных категорий (социально-экономических формаций), и от биологических категорий, какими являются расы.

Последнее различие важно для нас вот еще по какой причине. Расы стабильны по отношению к виду. Сколько существует вид *Homo sapiens*, эти расы хотя и менялись местами, но не появилось ни одной новой и не исчезло ни одной старой. Но этносы — системы не стабильные. Цель наших занятий чтобы вы, следя за ходом моей мысли, усвоили бы смысл этногенеза, то есть процесса появления и исчезновения этносов.

Незаконченные процессы изучать бессмысленно — это не корректный способ наблюдения. Поэтому мы для изучения возьмем средний период, где факты известны, соразмерность их очевидна, достоверность их установлена.

Попробуем представить, что бы мог подумать какой-нибудь исследователь, заброшенный к нам с Марса в I веке н.э., который изучил все то, что мы знаем сейчас про этот период, какие бы он сделал выводы в отношении судьбы трех крупнейших суперэтносов того времени:

- Римской империи, которая еще и Бретань захватила;
- Парфянского царства;
- Китайской империи, невероятно большой.

Он сказал бы, что, конечно, эти государства наведут у себя внутри порядок, установят точную оплату своим войскам, легионерам. Прекратят безобразия, которые те устраивают, препираясь с гражданским населением, и Рим будет развиваться, расти и крепнуть. Куда же он денется? Вечный город! — недаром его назвали.

Великий Китай! — Ну, у них не всегда же будут сажать лихоимцев и прохвостов на государственные должности, да еще из-за того, что они родственники очередной фаворитки императора. Когда-нибудь же будут сажать толковых, умных людей. Вот сколько угодно есть конфуцианских грамотеев, — очень интеллигентных, очень честных и претендующих на государственные должности, хотя никогда их не получающих, а вот их и призвать! Вот они все и наведут порядок. Понимаете?

А в Парфии? — Ну, что это?! Урезать права аристократов немножко. Ну, как сделал Арташир Папаган. Уравнять права декхан. Будет прекрасная страна, культурная, с грамотностью, с архитектурой, с искусством, — должны развиваться. Но что на самом деле получилось? Если бы этот представитель из «заповедной цивилизации» сделал бы такие выводы, то он был бы, с точки зрения уровня науки того времени, прав. Но выводы были бы категорически ошибочны.

Посмотрим, что произошло через 800 лет (примерно возьмем IX-X вв.) и прогуляемся по тем же районам. Оказывается, что Рим превратился опять — сначала в небольшую деревню, а потом в скопление укрепленных замков, где сидели мужественные и хищные, совершенно нечестные, вероломные феодалы и всячески боролись один против другого. Затем огромная, благоустроенная Римская империя развалилась на ряд совершенно новых этносоциальных образований. Римлян уже не стало.

Колоссально изменился Ближний Восток. Могучий Иран исчез с лица земли. Он остался только как географическое понятие. В VII в. вышли из этой Аравийской пустыни кучки, кучки! — повторяю, фанатиков-завоевателей, которые подчинили себе и богатую просвещенную Сирию, и великолепный Иран, и Египет, и Северную Африку; и даже Среднюю Азию, вплоть до Ташкента; и часть Индии; и даже Испанию. Это страны, которые сейчас мы называем Арабский мир, хотя арабы и потомки арабов составляют там ничтожное меньшинство. Произошла полная этническая перестройка.

Но уже к IX–X вв. и этот могучий Халифат развалился на свои составные части и не представлял уже единого целого. То есть с ним уже повторилась та же история, что и с Римом, только за более короткий срок.

Если мы перейдем в Китай, то увидим странную вещь (там изменения произошли ничуть не меньшего масштаба): древнекитайский этнос исчез, его заменил смешанный монголо-китае-тангуто-туркский этнос, который назывался табгачи. Но и он исчез к X в. И образовался тот, который мы сейчас называем Северный Китай, с другим языком, с другой культурой, с другими навыками, с другой религией.

То есть оказалось, что никакой эволюции не произошло. А произошел за этот период жуткий разлом и распад, с одной стороны, а с другой стороны, — новый подъем. Таким образом мы видим, что этническая история обладает одним очень важным качеством — она дискретна. Она имеет начала и концы, точки возникновения и точки исчезновения. Посмотрим, как это преломляется, какие фазы этнос проходит за время своей истории, единообразны ли они у всех этносов, на что они похожи и какой физический процесс определяет особенности механизма этногенеза. Откуда берутся подъемы и распады? И часто ли они бывают?

В социальном развитии мы наблюдаем прогресс, — возвышение от низших степеней к высшим, — по спирали. Ничего подобного мы не видим в этногенезе. Каждый этногенез проходит определенные этапы своего развития, которые можно изобразить в виде кривой (рис. 1). Эта кривая выведена мною эмпирически на базе всех имеющихся данных по этнической истории и может быть подтверждена на

любом частном примере, включая даже доколумбову Америку. Но нас сейчас будет интересовать другое — что это за кривая? Известна ли она науке?

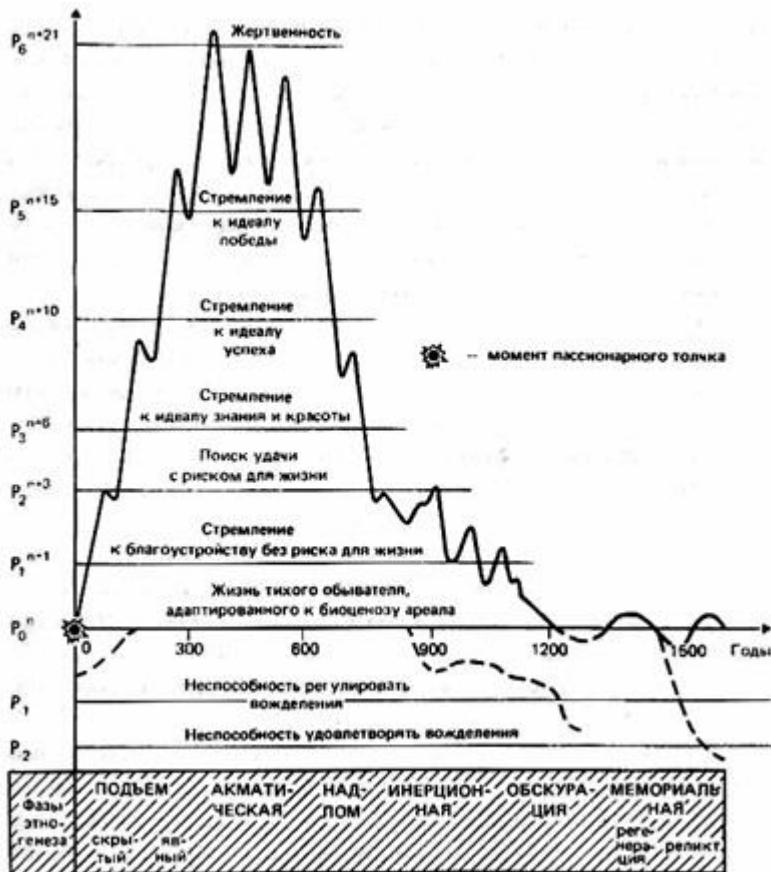

Рис. 1. Изменение пассионарного напряжения этнической системы

По абсциссе, отмечено время (века, допустим, которых всего должно быть при нормальном прохождении процесса двенадцать, тринадцать веков плюс минус полтораста лет). Ордината показывает количество событий, которые происходят в эпоху и уносят вместе с собой известное количество человеческих жизней, создавая на их месте известное количество зданий, дорог, машин, предметов искусства и так далее.

Должен сказать, что я не физик, и поэтому физические проблемы мне мало известны, но когда я в прошлом году читал лекцию в Новосибирске, а потом повторял в Ленинграде, то ко мне подошли кибернетики и сказали: «А ведь кривая-то нам хорошо известна. Эта кривая горящего костра; развивающегося порохового заряда; вянущего листа». То есть, исследуя историю этносов, мы подошли к очень известным термодинамическим законам, — законам взрыва, быстрого нагревания, который затем остывает — от соприкосновения со средой.

Пассионарность и ее свойства

Чем же могут мотивироваться те события, которые ведут к этому процессу? Я сделал следующее наблюдение относительно того, что нужно обычным людям. Как писал Горький: «Нужны кусок хлеба, крыша над головой и женщина. Нормальному человеку н-и-ч-е-г-о сверх этого не надо». И действительно, нормальное течение жизни организма, как представителя вида *Homo sapiens*, не предполагает ничего другого, кроме этого.

И, однако, посмотрим на то, как вели себя хорошо известные исторические люди (здесь ключевым является слово известные, т.е. история жизни которых хорошо описана. Их не надо путать с «великими»). Как будет показано ниже, пассионарность и тяга к власти это по большей части не совпадающие явления). Вот жил Александр Филиппович Македонский в Македонии в городе Пелла. И был он по должности царем. Должность эта оплачивалась не очень богато, поскольку Македония была страна небольшая. Но все-таки дворец у него был. Конь у него был самый лучший в государстве. Две собаки у него были прекрасные — Гелла и Алла. Затем, друзей у него было много, и хорошие друзья. Развлечений, вы сами понимаете, тоже у царя было в избытке, так что на одного

царя всякого рода македонянок, гречанок, россиянок, иллириек — хватит. У него был такой собеседник, которого не имел никто в мире, — Аристотель. Его наняли, чтобы он был учителем царя. Знаете, даже английская королева не могла такого позволить для своего сына Георга.

И чего же ради он попёр — сначала на Грецию, потом на Персию, потом на Среднюю Азию, а потом на Индию? Чего ему не хватало? Это тот вопрос, с которого я начал свое исследование. Он сам говорил и один раз написал, что ему надо было славы, что он хотел так прославиться и прославить свой народ, чтобы о нем говорили потомки в веках и по всему миру. И этой цели он достиг. То есть Александр стремился к иллюзии.

А если так, то мы можем совершенно спокойно поставить вопрос о том, как же понять это самое качество, толкающее людей на следование иллюзорным целям, а не реальным? Это — страсть, которая оказывается иногда сильнее самого инстинкта самосохранения. От слова «страсть» я это качество назвал — пассионарность, — латинское слово *passio*, *passione*.

А теперь давайте разберемся, что это такое, эта самая пассионарность, которая творит столько событий, хотя и не изменяющих прогрессивный ход исторического развития, спонтанный ход развития социальной истории, но имеет очень большое значение для истории этнической, для истории этноса. А мы все принадлежим к какому-нибудь этносу. Ибо нет человека без этноса (рис. 2).

Рис. 2. Классификация людей по пассионарно-аттрактивному признаку

Какие импульсы — бесспорные, и их можно взять за нулевую точку отсчета? То самое стремление жить спокойно, у себя дома с симпатичной женой, с милыми детьми, в удовольствии, в сытости и в богатстве. На положительных абсциссе и ординате — импульсы, которые ведут к продлению жизни, а те, которые ведут к сокращению жизни, мы будем откладывать на отрицательных сторонах.

Из истории мы видим, что и отдельные люди, и целые популяции вдруг испытывают то, что мы можем назвать пассионарный подъём:

- стремление пожертвовать собой;
- или не пожертвовать, а одержать победу;
- или, во всяком случае, рискнуть собой во имя каких-то совершенно иллюзорных целей;
- или во имя накопления богатства (которое явно излишне и на пользу жизненным процессам не идет);
- или ради своего принципа веры люди идут на жертву как мученики и считают, что их жизнь ничто по сравнению с тем идеалом, ради которого они ему ее отдают;
- или ради спасения Родины;
- или ради завоевания чужой страны,

безразлично ради чего, какой идеал у него создался. Ибо этот идеал не помогает ему в его повседневной жизни, а наоборот, — он мешает ему. Человек увлечененный мало обращает внимания

на свою семью, на свое богатство, на свой достаток, даже на свое здоровье. Он жертвует ими и при этом он — счастлив!

Вот это и есть пассионарность, которую мы можем поместить на эту схему, как антипод линии инстинкта. Пассионарность может быть, или равна импульсу инстинкта по силе воздействия, или меньше, или больше. Так вот, когда она больше — то вот этих людей мы называем пассионариями. Когда она равна инстинкту — это гармоничная личность.

Понимаете, был такой Андрей Болконский. Он прекрасный полковник, заботливый помещик, хранитель своей дворянской чести, верный муж своей первой жены, верный жених своей невесты, — абсолютно гармоничная личность. Причем и работает он очень хорошо — не за страх, а за совесть. Но ничего лишнего он не делает.

Это вам не Наполеон, живший в его время, который, так же как Александр Македонский, неизвестно для чего завоевывал страну за страной. И даже такие страны, которые он явно не мог удержать. Например, Испанию или Россию. Но он бросал людей ради своей иллюзии — иллюзии славы Франции, как он говорил, а по существу — ради собственного властолюбия.

Но есть и субпассионарии, у которых пассионарность меньше, чем инстинкт. И опять-таки приведу литературные образы, всем наиболее известные, — это герои Чехова. У них как будто, понимаете, все хорошо, а чего-то не хватает. И понимаете ли, образованный какой-нибудь учитель, а — человек в футляре. И понимаете, хороший врач, который работает, а — какой-то Ионыч и ему — скучно. И кругом него всем скучно. Однако наличие субпассионариев для этноса так же важно, как и наличие пассионариев, потому что они составляют известную часть этнической системы.

Таким образом, с помощью такой искусственной классификации на примере отдельных людей я сейчас показал, как можно разделить все системы на несколько типов: повышенной пассионарности, гармоничной и пониженной.

Теперь обратим внимание, какие бывают пассионарии в зависимости от тех целей, к которым они стремятся. Есть мнение, довольно глупое мнение, что все пассионарии — это те люди, которые хотят быть лидерами, вождями. Я так не считаю. Ньютон был явный пассионарий: он потратил свою жизнь на решение двух кардинальных научных проблем: создание механики и толкование Апокалипсиса. Но ни в какую власть он не лез. Когда король Англии Карл II сделал его пэром, он как добросовестный человек ходил в Парламент и высиживал там все заседания. Но за все это время он сказал только два слова: «Закройте форточку». Все остальное его не интересовало.

Очень часто думают, что пассионарии, стремясь проявить свою активность, обязательно ввязываются в общественную деятельность (для продвижения к верхушке общества и получения соответствующих привилегий). Это бывает, но не всегда, как я показал. А, кроме того, в ряде случаев они до такой степени влюбляются в свой идеал, что жертвуют ради него своей жизнью, что уж совсем нецелесообразно с точки зрения вида.

Жанна д'Арк была девушка очень впечатлительная и очень патриотичная. Несмотря на то, что она и по-французски почти не говорила, она решила спасти Францию. И, как известно, она ее спасла. Но также известно, что, после того как она освободила Орлеан и короновала Карла в Реймсе, она попросила, чтобы ее отпустили. Но ее не отпустили, и дальнейшая ее судьба была печальна. Она не стремилась к тому, чтобы занять место при дворе. А отнюдь не пассионарная Агнесса Сорель — любовница короля (дама весьма и весьма, так сказать, пикантная, но ничем себя не проявившая как пассионарная женщина) — она изо всех сил цеплялась за свое место фаворитки короля и интриговала по этому поводу со страшной силой. То есть отсюда мы можем сделать вывод, что лидерство и пассионарность — это понятия иногда совпадающие, но по большей части — нет.

Возникновение этноса

И теперь мы вернемся к нашей проблеме — проблеме этногенеза. Потому что все то, что я сейчас говорил, — это был, так сказать, обходный путь для того, чтобы показать, а как же это все создается? Большая часть Аравии — сухая степь. Население — кочевники, торопиться им было некуда, и жили они там очень спокойно. Войны у них были, но «гуманные». Одна война между двумя племенами была из-за верблюжонка, мать которого ушла на территорию другого племени и там родила. Так вот, чей верблюжонок? Война эта продолжалась лет тридцать, кажется, или сорок. И за все время было, кажется, два или три человека убитых. Вот в таком спокойном состоянии они и жили. При этом у них

и культура была какая-то своя, у них поэзия очень большая. Арабы вели жизнь мирную, которая лишь иногда прерывалась тем, что они грабили отдельных путников или иногда друг друга. А целеустремленности не было и быть не могло, потому что идеологии у арабов никакой единой не было.

Большая часть бедуинов, живших в пустыне, считала, что боги — это звезды. Вот сколько на небе звезд, — столько богов. И можешь своей звезде молиться — дело твое. Было много христиан, много иудеев, были идолопоклонники. А христиане были всех толков: и несториане, и монофизиты, и православные, и ариане. И так как все занимались своими насущными делами, то религиозных столкновений совершенно не было. А жили они спокойно.

И вот в начале VII в. появился человек, называемый Мухаммедом. Это был бедный человек, эpileптик, очень способный, но не получивший никакого образования, совершенно безграмотный. И вдруг он заявил, что он пришел исправить пороки мира. Что до него было много пророков — Адам, Ной, Давид, Соломон, Иисус Христос с Мариам — Девой Марией. И все они говорили правильно, а люди всё перепутали, всё забыли. Так вот он, Мухаммед, сейчас всем им всё объяснит. И объяснил он очень просто: «Нет Бога, кроме Аллаха». И это все. И потом стали прибавлять, что «Мухаммед — пророк его». И стал эту религию проповедовать.

Человек шесть его учение приняли, а остальные меккане говорили: «Да, брось ты эту скучочищу, брось ты эту тягомотину! Мы лучше пойдем послушаем веселые сказки про персидских богатырей». То есть большинство арабов меньше всего хотело с ним говорить. Но оказалась кучка — сначала шесть человек, а потом несколько десятков, которые ему искренне поверили. И среди них были такие люди волевые, сильные и из богатых, и из бедных семей: страшный, жестокий, непреклонный Абу-Бекр, справедливый, несгибаемый Омар, добрый, совершенно искренний, влюбившийся в пророка Осман, его зять — героический совершенно боец, жертвенного типа человек — Али.

Но мекканцам это все страшно надоело. И они ему сказали: «Прекрати свое безобразие!» И Мухаммед убежал из Мекки, где его решили убить, чтобы он не мешал жить. И он убежал в Медину (тогда этот город назывался Ясриб). Ясриб был местом, где поселились самые разные народы, образовав там собственные кварталы. И когда появился Мухаммед с его верными, которые последовали за ним, то ему сказали: «Ну, вот и живи тут — один из всех. Ничего, ты не мешаешь».

Но тут случилось что-то непредвиденное. Мухаммедане, или, как они стали себя называть, мусульмане, поборники веры ислама, они развернули, во-первых, — жуткую агитацию. Они объявили, что мусульманин не может быть рабом. Некоторые негры пришли к ним, некоторые бедуины пришли к ним. И те, кто пришли, они поверили в это дело, они зажглись тем же жаром, что был у Мухаммеда и у его ближайших сподвижников. И они создали общину весьма многочисленную и, самое главное, активную. К этим мухаджирам, которые пришли из Мекки (их было не много), примкнули ансары (буквально «примкнувшие»).

И Мухаммед оказался одним из самых сильных глав общин в самом городе Медина. И тут он стал постепенно расправляться. Сначала он расправился с верующими, которые верили в звезды. «Нет, — говорит, — не масса богов на небе, а один Аллах. А кто не хочет, того убить надо просто, потому что он оскорбляет величие Аллаха», — и убивали. Потом он столкнулся с христианами. Стал говорить им, что он исправляет закон, который дал сам Иисус Христос. Христиане говорят: «Брось ты, где ты можешь его исправить! Ты же вообще безграмотный человек!». Их убили или заставили принять веру ислама.

Потом он пришел к евреям и заявил им, что он — Мессия. Те быстро взяли Талмуд, Тору. Посмотрели по книгам и сказали: «Нет. У тебя нет таких-то, таких-то и таких признаков. И вообще, никакой ты не Мессия, а самозванец!». «А-а!» — сказал он. Два квартала, один за другим, были вырезаны до последнего человека. После чего он оказался самым сильным в Медине и решил завоевать Мекку. Но Мекка была сильна, его войско было опрокинуто. Тогда он подчинил себе бедуинов и заставил их признать веру ислама. Тогда он пошел снова на Мекку, а мекканцы были люди очень умные, очень хитрые. Они сказали: «Слушай, Мухаммед, зачем ты идешь завоевывать родной город, мы будем защищаться, кого-нибудь убьют. Ну, кому это надо? Давай помиримся! Ну, Мухаммед согласился. И после этого он занял Мекку. И его злейшие враги оказались в числе его подданных и выставили ему свое войско. Прошло тридцать лет, за это время была захвачена вся Персия, была захвачена не

только Сирия, но и Армения, часть Закавказья, захвачен Египет, Северная Африка. Арабы захватили огромную территорию, населенную христианами или огнепоклонниками — персами.

При этом Мухаммед не преследовал никаких физических целей. Он шел на смертельный риск ради принципа, который он сам себе создал. По существу, с точки зрения богословия, ислам не содержит в себе ничего нового по сравнению с теми христианскими ересями и течениями, которые уже в это время бытовали на Ближнем Востоке. Собственно говоря, разговор, если говорить об идеологии, выведенного яйца не стоит. И арабы совершенно правильно сделали, что не стали особенно спорить. Поступились привычными культурами, произнесли формулу ислама и жили по-прежнему. Разве в этом было дело? Дело-то было совсем в другом.

Та группа, которая создалась вокруг Мухаммеда, состояла из таких же пассионариев, как и он. Он был просто творчески более одарен, чем Абу-Бекр или Омар. Он был просто более эмоционален, чем даже добрый Осман. Он даже был более беззаботно предан своей идеи, чем отчаянный, храбрый Али. И поэтому никаких особых выгод он не имел. Но случилось самое важное. Вокруг его группы, вокруг его маленькой общины, понимаете, как вокруг пылинки водяные пары, стали сбиваться в снежный ком. Образовалась группа людей, объединенных не образом жизни, не расой, не материальными интересами, а сознанием единства своей судьбы, единства дела, которому они отдавали свою жизнь. Группа эта может быть названа консорциумом (от латинского слова *sore* — судьба).

Вот что такое всплеск пассионарности.

Пассионарность как фактор этногенеза

Мы можем сказать, что пассионарность, открытая нами, хотя и описана на отдельных персонах, но по существу является фактором этногенеза, который проявляется только при наличии пассионарности всего этноса. Иногда пассионарием оказывается крупный человек, как Александр Македонский. Но он достигает своих пассионарных целей только потому, что его поддерживают его друзья, и только потому, что с ним согласен его народ — воины, и только потому, что ему удается набрать единомышленников среди людей, ему симпатичных, и только потому, что удается привлечь на свою сторону некоторое количество бывших противников.

Пассионарный человек — Наполеон. Наполеон идеалист, он преследует свои цели, которые из фантастических становятся реальными. Удаётся это ему сделать потому, что он сумел из 20-миллионного французского народа отобрать 26 маршалов, которые стали его помощниками. Те в свою очередь отобрали каждый по сотне-другой полковников, полковники — лейтенантов. И таким образом эта разветвленная система унесла миллион жизней тогдашней Европы.

Но если мы возьмем периоды не столь яркие из истории, например, той же Франции? Когда Франция стала первой европейской державой, победив Тройственный альянс, во главе ее стоял отнюдь не пассионарный Людовик XIV. Это был банальный француз, самый ординарный, самый средний, но французы его очень чтят и называют Король Солнце. Они его понимали, он их понимал. Он вел себя как средний француз. Но как же, вы тогда скажете, французам удалось провести четыре войны с коалицией европейских держав, освоить Канаду, Луизиану и т.д. А дело в том, что пассионариев тогда было очень много, и они выполняли вот эти мелкие дела: они были лесопроходцами в Канаде, они прошли насекомую реку Миссисипи, они построили Новый Орлеан, они плавали в Индию, они занимались работорговлей между Америкой и Африкой, они ходили в походы в Швейцарию и в Испанию, Голландию, завоевали Иль-де Франс и другие районы, которые были для Франции жизненно необходимыми.

Пассионарность — это явление массовое, и только как таковое оно имеет силу. Отдельный пассионарий, стоящий во главе непассионарного скопища людей, — бессилен. Его не поймут, от него постараются избавиться — или выгонят, или убьют. Но если масса пассионарна, то можно поставить даже посредственного человека, скажем, или дурака (хотя дурака лучше никогда не ставить) и за него идти побеждать. Решают исход дела активные люди, которые не являются лидерами, а находятся в составе масс. Пассионарность заразительна, она ведет себя как электричество при индуцировании соседнего тела. Это еще Толстой отметил в «Войне и мире», что когда кто-то крикнет «ура!», то цепь бросается вперед, а когда крикнут: «Отрезали!», то все бегут назад. Я воевал — так что я точно могу вам сказать, что во время боя никаких криков нет. И тем не менее, наблюдение Толстого совершенно верно. В чем же дело? Очевидно, есть что-то, что влияет на настрой солдат, на их волю к победе.

Ну, вот был у нас генерал Барклай-де-Толли, очень толковый, очень храбрый и умный человек, составивший план победы над Наполеоном. Всё он умел делать, единственное, чего не мог, — это заставить солдат и офицеров себя любить, за собой идти и слушать себя. Поэтому пришлось заменить его Кутузовым. И Кутузов, взял план Барклая-де-Толли и в точности выполнив его, сумел заставить солдат идти и бить французов.

Суворов одержал три блестящие победы при помощи небольшого русского корпуса и вспомогательных австрийских дивизий. Причем одержали победы именно русские, хотя австрийцев никто в то время не мог обвинить ни в трусости, ни в слабой боеспособности. Но решающими ударами, которыми были опрокинуты французские гренадеры, руководил Суворов, и сделаны они были русскими. Он вдохнул в своих солдат ту волю к победе, как мы сейчас образно можем сказать, а на нашем языке — пассионарность, которая была у него самого. Вы скажете, а может быть, дело не в Суворове, просто русские солдаты были такие хорошие? Здравствуйте, пожалуйста! А, Аустерлиц? А, Фридланд? А Цюрих, где нам наклеили по первое число?

Но ведь Суворов не мог провести ни одного своего начинания среди австрийцев и немцев. Надо сказать, что и немцы с трудом проводили, как мы видели на примере Барклая-де-Толли, свои очень умные начинания среди русских. Так с чем же связана индукция пассионарности? Очевидно, с каким-то настроем, который является связующим этнос началом. Почему? Какая разница между русскими, французами, немцами или еще кем-нибудь?

Если мы воспринимаем пассионарность как возникающий и создающий этнос импульс, то, пока действует его энергия, люди этого единого настроя объединяются по принципу комплиментарности. Это неосознанная симпатия одних людей к другим и антипатия — к третьим, то есть положительная и отрицательная комплиментарность. Когда создается первоначальный этнос, то этих активных ребят, сподвижников, о которых я говорил в прошлый раз, подбирают себе просто по принципу симпатии: «Иди к нам, ты нам подходишь».

Так поступали первые мусульмане: они требовали от всех признания веры в единого Бога, но в свои ряды — мухаджиров и ансаров (наиболее верных и надежных) они старались зачислить людей, которые подходили друг другу. Надо сказать, что от этого принципа мусульмане довольно быстро отказались и стали брать всех. И за это заплатили очень дорого, потому что как только в состав мусульман попали лицемерные мусульмане, они и пришли к власти и стали Омейядами. Их возглавил Моавия ибн Абу Суфьян — сын врага Мухаммеда.

То есть, как только принцип отбора по комплиментарности заменился принципом всеобщности, так система испытала страшный удар и деформировалась. При этом инстинкт комплиментарности явно относится к числу биологических, а не социальных, хотя бы потому, что он точно так же проявляется у животных. Каждый знает, что собака или даже кошка относится к вашим гостям избирательно — к одним хуже, к другим — лучше.

Пассионарность судя по всему заложена в генах и распространяется обычным половым путем. Главный способ ее переноса в период пассионарного толчка — это не законные, а именно внебрачные связи. Они-то, собственно, и поддерживают систему на довольно высоком уровне пассионарности. Вы сами понимаете, что поэтому связывать признак пассионарности с каким-то классом, сословием или другой социальной категорией — это нонсенс.

И, наоборот, в мирное время комплиментарность имеет другой знак. Если женщины во время войны ценят героев (а герои такие есть!), то в мирное время они ценят положительных основательных людей, которые способны обеспечить их и потомство. Вспомните хотя бы «Горе от ума».

Пассионарий Чатский любит Софию, но она предпочитает субпассионарного Молчалина. Почему? Она же ничего не видит. Она совершенно искренна. Она убеждена, что вот именно этот добросовестный чиновник, который бесспорно сделает себе вполне достойную карьеру, он даст ей спокойную жизнь и обеспечит ее потомство. Это пример очень характерный.

С течением времени первоначальный импульс перестает действовать и этнос, этническая система теряет свою пассионарность. Когда уровень пассионарности становится ниже какого-то необходимого минимума, система перестает себя защищать, она теряет свои внутренние связи и после этого становится жертвой всех.

Но к чему относится наш феномен. Материальный ли это момент? Или социальный? Или биологический? Забегая вперед, скажу, что пассионарность — энергетический момент. То, что я нашел и описал для себя в истории, есть проявление флюктуации энергии. Излишняя энергия выходит через деятельность. Вернадский назвал такую энергию геобиохимической энергией живого вещества биосферы. Это та самая энергия, которая получена растениями путем фотосинтеза и затем усвоена животными через пищу. Она заставляет все живое расширяться путем размножения до возможного предела.

Вспышки этногенеза

Рассмотрим восходящую часть кривой (см. рис. 1) — вспышку этногенеза. Что же мы можем отметить для этой фазы становления этногенеза? Общество (будь то — арабы, монголы, древние евреи, византийцы, франки), оно говорит человеку (одному!): «Будь тем, кем ты должен быть!» В этой иерархической системе:

- если ты хороший король — «Будь королем!»;
- если ты министр — «Будь министром»;
- если ты рыцарь — «Будь рыцарем! И не вылезай никуда! Неси свои функции!»;
- если ты слуга — «Будь слугой!»;
- если ты крестьянин — «Будь крестьянином, плати налог! Ни-ку-да не вылезай!»,

потому что в этой сверхотложененной иерархической системе людям, составляющим консорцию, каждому уделяется определенное место. Если они начнут бороться друг с другом за место, а не преследовать одну общую цель, — они погибнут (если это случается, то они и гибнут).

Ну, хорошо, а если, скажем, король не соответствует своему назначению? — Свергнуть его и нечего с ним цацкаться! А министр оказывается глупым и неудовлетворительным? — Отрубить ему голову! А если рыцарь или всадник оказывается трусоватым и не дисциплинированным? — Отобрать лошадь, оружие и выгнать — к чертям собачьим! Чтобы и близко духу его не было! А если крестьянин не вносит налог? — Ну, этого мы заставим! Это мы умеем. В общем, каждый должен был быть на своем месте. И из коллектива с таким общественным императивом получалась весьма слаженная этническая машина, которая либо — ломалась, либо — развивалась.

На начальном этапе пассионарного толчка, пассионариев мало и набирать их приходится из всех народностей и слоев населения. Карл Великий графов собирал со всех германских племен, собрал со всех и уцелевших от Рима галло-римлян, то есть приглашали посторонних, кого можно. Если попадались какие-нибудь пленные хорошие, у арабов, например, брали в плен, им предлагали креститься и войти в «товарищи». (То же само практиковалось на Руси, вот откуда столько фамилий с татарскими, славянскими, европейскими корнями).

Но позже у них появилось огромное количество людей, которых мы (по определению нашему) назвали бы пассионариями, которые начали искать себе применение. Они превратились в своего рода свободные атомы, которые, не находя применения в своей стране (излишние пассионарии), начинали искать службы, — то у французского короля, то у тулузского графа, то ехали в Испанию. Такое состояние общества можно назвать пассионарный перегрев.

Пассионарный перегрев

Мы описали подъем пассионарности, но мы не ответили на вопрос: а почему этот подъем кончается? Казалось бы, если пассионарность, как признак, появилась и переносится самым обычным половым путем, то количество энергии должно в данном регионе накапливаться и накапливаться, пока они не сделают какие-то великие «прогрессивные» дела? Однако ничего подобного не получается. После какого-то момента, после какой-то красной черты пассионарии ломают первоначальный общественный императив и меняют стереотип своего поведения. Они перестают работать на общее дело, они начинают работать каждый сам за себя.

Поэтому императив меняется, он звучит уже так: «Не будь тем, кем ты должен быть, но будь самим собой!» То есть какой-нибудь дружины — копьеносец, оруженосец — он хочет быть не только оруженосцем своего графа или герцога, но еще и Ромуальдом или каким-нибудь Ангерраном. Он хочет, чтобы его имя звучало. Художник начинает ставить свою подпись под картинами: «Это я сделал, а не кто-то». Да, конечно, идет на общую пользу, все это так, украшает город замечательной скульптурой, но «Уважайте и меня!». И так как таких людей оказывается весьма большое количество, то они, естественно, начинают мешать друг другу. Они начинают толкаться, толпиться, раздвигать

друг друга локтями во все стороны и требовать каждый себе больше места. На первых порах в Западной Европе, например, это вызвало совершеннейшее броуновское движение, которое называется феодальной раздробленностью.

Появляются пассионарии во всех слоях населения, и среди горожан, и среди крестьян, и среди невольников, даже рабов. Они не удовлетворяются своим социальным положением, они ищут выход. И вот тут мы должны обратиться к роли субпассионариев, которым при фазе этнического подъёма, собственно, не было места в системе. Потому что в системе, которая ставит перед собой огромные цели, стремится к идеалу, то есть ставит далекие прогнозы, то — зачем таких людей иметь? А вот тут эти самые люди, которые ни к чему не стремились, хотели только выпить-закусить, поспать где-нибудь на досках за забором и ставили это целью своей жизни — они стали первыми!

Дело в том, что когда в одной системе возникло несколько центров, борющихся между собой за преобладание, то каждому из этих инициативных пассионариев нужна была своя банда, и он готов был использовать субпассионариев в качестве своих слуг, наемников. Конечно, это были плохие солдаты, а где взять хороших? Потому что все пассионарии или прилепились к кому-то или сами выставляли свою персону для того, чтобы занять высокое место.

Этнос старается избавиться от излишка пассионарности. В Западной Европе, например, таким средством стала первая колониальная экспансия, которая была произведена под лозунгом «Освобождения Гроба Господня» — крестовые походы. Там же все были христиане: бросили все и пошли. Но это — просто лозунг. Они пошли, потому что они хотели, они бы пошли в любое другое место с любым другим лозунгом, потому что у них был запас внутренней энергии.

Или возьмем столетнюю войну между Англией и Францией. Ну, давайте искать причины и поводы этой войны. Экономические? Англичане хотели сбывать свою шерсть фламандским купцам, а фламандские купцы — покупать ее беспощадно. — Ну, хорошо, это все правильно. Но какого черта ради этого повода было воевать 76 лет? Каким-нибудь стрелкам на границе Англии и Уэльса было наплевать на доходы купцов из Сити, однако они пошли и составили как раз самую убойную силу. Не купцы, нет, купцы торговали, они на фронт не шли. А вот стрелки пошли воевать.

И когда кончилась эта Столетняя война (1453 г. — ред.) и английских феодалов сбросили в море, вы думаете, они успокоились? — Нет. Они сразу же затеяли новую войну на 30 лет под лозунгами Алой и Белой розы. Одни феодалы повесили у себя на щите белые розы — это были графы Йорки, Невиллы; другие — алые розы — это были Саффолки и Ланкастеры. И они начали убивать друг друга со страшной силой. И привлекали к себе стрелков, копьеносцев, вольных добровольцев, охотников. И те шли и убивали друг друга так, что, в общем, Англия опустела. Причем война эта была понятна людям своего времени. И в последней битве, решавшей битве, когда Белая роза победила Алую, король, будущий король Англии Эдуард V кричал своим воинам: «Щадите простолюдинов, бейте знать!» Почему? Потому что королю нужно было снизить количество пассионариев в своем королевстве, — иначе он управлять ими не мог.

Как видите, все пассионарные страны в этот период, период вхождения в фазу пассионарного перегрева, оказались уже не поборниками тех своих идеалов, которые они имели до этого, а противниками своих соседей. И действовали они со страшной энергией, но уже не столько под лозунгом «за что», а «против чего». Причем в одних случаях мы имеем лозунги национальные (Западная Европа), в других случаях мы имеем лозунги — искусствоведческие (Византия), в третьих (Аравия) — мы имеем лозунги, так сказать, чисто условные, в сущности, — цветовую гамму, в точности отвечающую разделению людей одной системы на разные группировки.

Таким образом пассионарность как огонь — она и греет, и сжигает, и тлеет. Оптимальные фазы всегда стоят где-то посередине между тем и другим — между перегревом — началом или концом процесса. Но остановиться на этих — оптимальных фазах нельзя, потому что этногенез — процесс неуправляемый. Он проходит перегрев, и, за счет остывания пассионарности и всяких страстей, которые охлаждаются проливаемой кровью, он опять снижается до оптимальных величин.

Пассионарный надрыв и инерция

Итак, мы говорили об акматической фазе этногенеза, которая хотя и является высшим проявлением огромного количества пассионарности в том или ином регионе, в той или иной стране, но создает условия, при которых жить очень трудно. Не то чтобы, понимаете, совсем невозможно, но очень

тяжело, когда пассионариев слишком много и когда они бессистемно бросаются друг на друга только ради своих личных интересов и побуждений.

Пассионарный перегрев унес колоссальное количество людей. Гуситские войны унесли жизни примерно 70% населения Чехии. Маленькая Чехия воевала со всей Германской империей, Польшей и сама с собой. Германия за годы знаменитой Шестилетней войны потеряла 75% своего населения. Уцелевшие в этих событиях люди начинают предлагать другой психологический императив — реактивный, характерный для перехода из одной фазы в другую. Формулируется он очень просто: «Мы устали от великих! Ну сколько можно мириться... Дайте же пожить!»

Эти перемены, как мы выяснили, совершаются в результате общих естественных процессов, протекающих в этногенезе. Вот я нарисовал его кривую, и мы видим, что поиск чувства справедливости идет в верхней фазе пассионарности, а после возникает очень гладкая кривая инерционного процесса. В некоторых случаях выбирают себе норму, чаще идеал, чаще человека, на которого надо равняться. И вот императив читается уже так: «Будь таким, как я!» Для Англии это был идеал джентльмена; для Византии это был идеал святого; для Средней и Центральной Азии это был идеал богатыря; для китайцев это был идеал просвещенного крестьянина, грамотного, читающего философские книги. «Будь таким, как я, и подражай мне!»

Сейчас скажем немножко о положительных сторонах этого этапа. Гармоничные люди, которые удовлетворялись своей судьбой и своим положением, имели возможность сделать великолепную карьеру. Они выполняли свои обязанности и за это получали огромную мзду. В римский период — провинции, в европейский период — колонии; в общем богатели за счет захваченных территорий. Но если их число, скажем, превышало возможное количество благ, то что им оставалось делать? Англичане, как мы знаем, нашли великолепный выход — майорат. Только один сын может наследовать имущество своего отца-лорда. А остальные — пожалуйста, служите в колониальных войсках. Большая часть не вернется, а кто вернется — с деньгами, обеспечивать и не надо.

То есть, понимаете, спад пассионарности определил наклонность к колониальным захватам, потому что при той технике, а главное при том уровне пассионарности, который был у англичан, ирландцев, французов и даже у испанцев и португальцев, они имели колossalный перевес над народами более старыми, родившимися ранее, чем они, и поэтому менее пассионарными, менее энергичными. Расцвет культуры и искусства происходит не на подъёме пассионарности, а в период ее остывания. Точно так же как раскаленная магма оставляет кристаллы, а в кристаллах драгоценные камни, но они возникают не вследствие кипения, а вследствие остывания, то есть окончания процесса.

Самое же страшное, пожалуй, в этот период — те изменения, которые происходят внутри самого этнического состава, который в эту инерционную фазу (обычно довольно длинную — два-три века) начинает меняться довольно заметно. Мы забыли о таких людях, которые называются субпассионарии. Ну, если они были совершенно не нужны при подъёме, если их использовали только как пушечное мясо во время акматической фазы, то в инерционное тихое время возникают гуманные теории о том, что «человек — это звучит гордо!», человеку нужно дать возможность жить, человека нельзя оставить, человеку надо помочь, надо накормить его, надо напоить его! Ну, а если он не умеет работать, ну что ж, — надо научить. А если он не хочет учиться, — ну что ж, значит, плохо учат. Всё — для человека!

Вы представляете себе, как люди, определенного субпассионарного склада, используют такое «учение», которое становится императивом, этническим императивом. Они говорят: «Хорошо. Мы на все согласны. Только вы нас кормите и на водку давайте. Если даже мало, то мы на троих скинемся и выпьем. Ничего страшного!» Их становится все больше и больше, для них находится место. Они существуют, размножаются, потому что им делать больше нечего, в конце концов! И они начинают составлять в поздней фазе этногенеза уже не скро-о-омнью маленькую прослойку в общем числе членов этноса, а значительное большинство. И тогда они говорят свое слово.

Оскуднение пассионарности и регенерация

Порядок, устанавливаемый в стадии, которую мы называем фаза обскурации — омрачения или затухания, нельзя считать демократическим. Здесь, как и в предшествующих фазах, господствуют консорции, только принцип отбора иной — негативный. Ценятся не способности, а их отсутствие, не образование, а невежество, не стойкость во мнениях, а беспринципность. Далеко не каждый обыватель способен удовлетворить этим требованиям, и поэтому большинство народа оказывается,

с точки зрения нового императива, — неполноценным и, следовательно, неравноправным. Как я уже сказал, фаза обскурации характеризуется преобладанием субпассионариев, которые постепенно вытесняют гармоничных, равновесных особей, особей «золотой посредственности».

Можно, конечно, задать себе вопрос, каким же это образом субпассионарии, которые не способны к сосредоточению, не способны ставить себе цели, вести себя организованно в каких-нибудь мало-мальски длительных операциях, все разваливающие — оказываются на гребне волны и начинают диктовать всем — даже не свою волю, потому что воли у них нет, — а свои капризы. Это крайне невыгодно, крайне неприятно, губительно и для самих субпассионариев и, конечно, для всех окружающих. И тем не менее это происходит.

При такой обстановке, любая пассионарность — рассекается. Пассионарий силен там, где его окружают, или слабопассионарные люди, или народ, более сильный пассионарно, но увлеченный каким-то идеалом, то есть далеким прогнозом; или гармоничные, равновесные особи, которые, охотно доверяя своему вождю, поддерживают его и не стремятся его заместить. Эти — самые надежные. Но когда преобладает огромная масса людей, которые не в состоянии сделать прогноза даже на завтрашний день, которые находятся во власти своих ничем не сдерживаемых эмоций, у которых пассионарность не перевешивает их самых простых инстинктивных реакций (выпить — сейчас, пожрать, где-нибудь найти гетеру, не послушаться командира, избить кого-то, если он ему не понравился, а что из этого будет — они не смотрят), положение оказывается очень тяжелым.

Например, к концу III в. в Римской империи жить стало невозможно ни для сенаторов, ни для простого податного населения, ни для провинциалов, ни для рабов — ни для кого. Вы сами понимаете, что страна, которая пережила столетие постоянных безобразий, трудностей и самоистребления, — она не может быть резистентной (устойчивой к внешним вторжениям). И поэтому нечего удивляться, что сравнительно небольшие отряды готов, вандалов, свевов, франков и лангобардов и других германских и славянских племен пронизали всю страну насквозь.

На Западе, где были основные потомки римлян и основное римское население, мы видим полную деструкцию и замену этнического состава населяемых областей на совершенно новый этнический состав. Если у кого-нибудь есть желание, достаньте третий том Моммзена и прочтите две последние главы — о нравах Рима в I в. до н.э. Там показано, что римляне — ни мужчины, ни женщины — уже тогда, в период начала инерционной фазы, в период «золотого века», в период всеобщего процветания, не хотели иметь детей. Противоестественные пороки были повседневным явлением. Женщины особенно не хотели иметь детей, чтобы не портить фигуру, мужчины — ну, потому что у них было много других занятий. Инстинкт отцовства ослабел.

Снижение пассионарности всегда ведет к разрушению этноса, как единой системы. Внешне это выражается в событиях и действиях не совместимых ни с моралью, ни с интересом народа, но вполне объяснимых внутренней логикой этногенеза (этот абзац из другой книги Л.Н.Гумилева «От Руси к России»).

Что остается от периода обскурации? Остаются отдельные островки. Вот таким реликтом были, например, предки румын. Реликтом были баски, которые уцелели и после римского периода в своих горах, где их просто не сочли достойными завоевания. Мы знаем на территории Ойкумены большое количество реликтовых этносов, — этносов, которые потеряли способность к саморазвитию, у которых процесс этногенеза закончился. Их очень много и в тропической Америке, в южной Индии, встречаются они в Африке, есть они в Индонезии, на Малакке. Они весьма неинтенсивны, они живут совершенно спокойно. Прирост населения они регламентируют для того, чтобы не превышать определенной численности, так как знают, что увеличение численности населения ведет к оскудению района. То есть они поддерживают баланс отношений своего племени с природой. То есть это то, о чем мечтают сейчас все цивилизованные государства мира.

В страшную эпоху обскурации императивом поведения была команда: «Будь таким, как мы (как мы — простые легионеры). Не выпендривайся! Императором мы тебя поставим — не за твои заслуги, а за то, что ты хороший парень, и будем держать тебя, пока сами захотим. А если ты захочешь совершать какие-то подвиги, которых мы не можем, так мы тебя — убьем! Если ты хочешь изучать какие-то науки, которые нам не под силу, так мы тебя — убьем! Если ты хочешь составлять богатство и украшать город (чего мы не можем сделать), так мы тебя — убьем!»

Но заметим, что, убивая своих предводителей, они обрекают на гибель и себя, потому что они становятся жертвой любых, даже относительно слабых соседей. Их уносит поток совершенно природного этногенеза, и остающиеся реликты, остающиеся тихие люди, которые раньше были незаметны, выдвигают новый и последний императив коллектива к личности: «Будь сам собой доволен. Живи и не мешай другим. Соблюдай все законы, и мы тебя вообще не тронем».

В гомеостатическом обществе жить можно, жить хорошо. Это, можно сказать, возвращение «утраченного рая», которого никогда не было. Но кто из вас, мои дорогие слушатели, согласился бы променять полную тревог и треволнений творческую жизнь на спокойное прозябанье в таком гомеостатическом коллективе? От скуки померешь!

Теперь поставим еще один вопрос, прежде чем перейти к дальнейшему описанию нашего феномена: в каких случаях возможна этническая регенерация, то есть когда этнос может восстановить свою жизнеспособность и свое существование? Ну, естественно, что в фазе подъёма, — об этом нет и речи. Ему не надо восстанавливаться, потому что он только поднимается. Акматическая фаза — тут он может делать все что угодно, хотя эта фаза, как правило, подрывает политическую мощь этноса, его хозяйство и даже часто бывает связана с повышенным уничтожением собственных сограждан, когда они начинают бороться друг с другом.

В качестве примера такого рода регенерации можно привести известный случай с Жанной д'Арк, которая в конце Столетней войны дала доминанту, которая совершенно распустившихся французов подчинила определенному идеалу, определенной цели. Доминанта эта точно была сформулирована крайне просто: «*La belle France*» — «Прекрасная Франция». То есть далекий прогноз, что надо бороться не за себя, не за графа Бернара Арманьяка и не за бургундского герцога Жана Бесстрашного, не за дофина и не за английского Плантагенета, а нужно бороться за прекрасную Францию. Как только она сказала эти два слова, они нашли отклик среди большого количества французов — без различия сословий и классов и благодаря этому французы выгнали англичан. То есть Франция не погибла в критический момент.

При инерционной фазе, когда идеалом является или римский Цезарь, или джентльмен, или выдвигается идеал святого, или идеал богатыря, — возможна регенерация. То есть возможно, что в критический момент найдутся какие-то люди, которые опять поставят во главу угла не свой личный эгоистический интерес, не свою шкуру, а свою страну, как они ощущают ее, свой этнос, свою традицию. Пример — Османская Турция. Мы видим здесь законченный процесс, здесь мы видим пример этнической регенерации за счет использования неизрасходованной пассионарности мало развившихся районов. Пассионарность сгорела в самом Стамбуле, но не в провинциях.

Но как только наступает фаза обскурации, я уже не говорю о гомеостазе, то в такие моменты регенерация становится невозможна. Потому что для того, чтобы кого-то подвигнуть на какие-то дела, нужно уметь его заводить своей пассионарностью. А субпассионарий не заводим, у него нет той пассионарности, которая бы прореагировала, срезонировала на тот или иной идеал, который перед ним ставится. Он не воспринимает идеал, — это далекий прогноз, который для него не понятен, ему не нужен и не интересен. Поэтому фаза обскурации — это фаза конечная, безвыходная для тех, кто до нее доживает.

Но, к счастью, очень немногие этносы дожили до фазы обскурации, потому что никто не живет одиноко, все живут с соседями. И чаще всего в один из этих перегибов кривой:

- или (редко) — от подъёма к акматической фазе;
- или (чаще) — от акматической фазы к фазе инерционной;
- а еще чаще — в конце инерционной фазы

являются какие-то соседи, которые захватывают этот этнос и его уничтожают или дезинтегрируют.

* * *

Приводимые автором этапы исторического развития этноса до боли напоминают этапы развития фирм. Так же и рассмотренные законы с учетом эффекта масштаба по-видимому могут быть применены и к истории развития предприятий. И тут, и там мы наблюдаем процессы, касающиеся обособленной части человеческого общества. Во второй части книги (лекции, прочитанные на Ленинградском телевидении) Лев Николаевич приводит схему структуры этноса, в которой место трудового коллектива однозначно определено (справа внизу) как консорции — группы людей с общей судьбой (рис. 3).

Рис. 3. Структура этноса в средневековой Франции